

Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича (4)

А срежаицьсе Добрынюшка во цисто полё,
Сподоблеицьсе Микитиць да во роздольцо.
Он своей-то жоны да право наказыват,
Он Настасьи Викулисьни наговарыват:
«Поживи-тко ты, Настасьюшка, шесть лет поры.
Как не мошь ты Добрынюшу дождатисе —
Хошь взамуж поди, да хошь вдовой сиди.
Ты за князя поди, хошь — за боярина,
Хошь за сильнёго-могучёго богатыря,
За того же мужика да за богатого —
Не ходи ты за Олёшу да за Поповиця:
Олёша силой-то не силён, да он напуском смел,
Он напустит на старого и на малого,
Он напустит на ровнюшку спесивую!».

Ище прошло ле тому времецьку шес<т>ь лет поры —
Ище стали на Настасьи да сваты сватацьсе,
За того же за Олёшу да за Поповица.
Как не здумала Настасьюшка взамуж итти
За того же за Олёшу да за Поповица.
Миновалось тому времецьку двенаццэтъ лет —
Ище стали Настасью да сваты сватацьсе
За того же за Олёшу да за Поповица.
Как задумала Настасьюшка взамуж итти.
Ище тысецьким у Олёши да был Владимир-князь,
А кнегина Опраксея была сватьюшкой,
А хорóбры-ти дружки: да был ведь стары казак —
Ище стар ле казак да Илья Мурамец,
А вторая была дружка — Дунай да сын Ивановиц.
Пировали-столовали да с двора съехали,
Как оставили Добрынину родну матушку.
Она горюцима слёзами да уливаицсэ:
«Ище хто же миня будёт да нонь поить-кормить?
Ище хто же миня будёт да обувать-одевать?»

Ище хто же миня будёт да нонь тёплом обогреть?..»

А подходит кошевцяту окошецьку,

А скриваёт окошецька немножецько —

Она здрила-смотрела да во цисто полё.

Во цистом-то поли да курева стоит,

Курева-та ле стоит, да дым столбом валит:

Ище ясному-ту соколу пролету нет,

Ище церному-ту ворону пропорху нет,

Ище серому-ту волку да тут прорыску нет —

Проежджаёт-пролетает да доброй молодець.

Он добра-та коня правит да в стольне Киев-град,

Он ведь едёт по Добрынюшкиным жолтым сукнам,

Он ведь ставит коня да к дубову столбу,

Он ведь вяжот коня да к золоту кольцу,

Он заходит на цястую на лесницю —

Тут заходит Добрынюшка во светлу грыню.

Он ведь крест-от кладёт да по-писаному,

Он поклон-от ведёт да по-уцёному,

Он ведь молицьсэ Спасу-ту Прецыстому,

Он ведь Матери Божьей да Богородицы.

«Уж ты здрастуй, Добрынина родна матушка!» —

«Уж ты здрастуй, удалой да доброй молодець,

Перехожой-переежджой да из циста поля!

Не видал ле ты моёго да цяда милого,

Ище милого-то цядышко любимого,

Молодого ты Добрынюшки Микитица?

Мы тепереце с Добрынюшкой розъехались!» —

«Уж ты здрастуй, родима да моя мамушка!» —

«Уж ты здрастуй, моё да цядо милоё,

Молодой ты Добрынюша Микитиц млад!» —

«Уж ты ой, родима да моя мамушка!

У те где же нонь не видно да другой семьи,

Как другой ле семьи — моей да молодой жоны,

Молодой жоны Настасьи Викулисьни?» —

«А тепереце Настасья да с двора съехали

За того же за Олёшу да за Поповиця,

А ище нонице Настасья да где ли у стола стоят!»

Говорит тут Добрынюшка Микитиц млад:

«Я возьму ле себе да свой злоцян перстень,

Мы которым с Настасьей да обруцелисе,
Я ище ле возьму да звонки гусельци!»
Как пошел тут Добрынюшка на Олёшин двор.
У ворот-то у Олёши да были прыворотницки,
У дверей-то стоят, были, прйдверницки,
Середи-то двора да стоят стóрожи:
Не пускают калику да на широкой двор.
Ище всем он даёт да по пети рублей —
А заходит калика да во светлу грыню.
Он идёт-то, Богу да сам не молицьсе,
На все стороны калика да поклоняицсэ:
«Уж ты здрастуй, Олёша да первображной князь!
Ище здрастуй, кнегина да первображная!
Уж ты здрастуй, Владимир да стольне-киевьской!
Уж ты здрастуй, Опраксея-королевисьня!
Уж ты здрастуй, Илья да ты сын Мурамец!» —
«Уж ты здрастуй, калика да перехожая,
Перехожая калика да переежджая!»
Говорит тут кнегина да первображная:
«Уж ты ой еси, Олёша да первображной князь!
Ты налей-ко мне-ка цару да зелена вина!»
Говорит тут калика да перехожая:
«Вы позвольте мне, кнезья́, да во гусли сыграть,
Мне при вашей пирушки да распотешицьсе!» —
«Ты играй-ко, калика, до сколько хоцицьсе!»
Во первой раз заиграл — тут Настасьюшка подумала.
Во второй раз заиграл — Настасья-та спромолвила:
«Уж ты ой еси, Олёша Поповиц млад!
Ты налей-ко мне цару да зелена вина,
Ты не малу, не велику — да в полтара ведра:
Ище тут же калики да припотёлосе,
Как испить тут калики да захотелосе!»
Подают она цару да зелена вина,
Подают она калики да перехожей:
«Ты прймай-ко-се цару да зелена вина!»
Принимает он цару да единой рукой,
Выпиват он ведь цару да к единому духу —
Ище сам он из рецэй да выговарыват:
«Наливайте мне-ка цару да зелена вина!»

Ище тут же Олёша да не отслушалсэ —
Он ведь налил тут цяроцьку зелена вина.
Как берёт тут калика да перехожая,
Подают он кнегины да первоображной:
«Уж ты пей-ко-се эту цару да всю до дна —
Увидашь ты, Настасьюшка, много добра!»
Она выпила цяру да уж как всю до дна —
Как положил Добрынюшка свой злоцян перстень,
Да с которым с Настасьей да обруцэлисе.
Говорит тут Настасья да таковы слова
(Как правой-то ногой — да тут да на золот стол,
А левой-то ногой — да и<з> застолья вон):
«Уж ты здрастуй! Женилса, Олёша, — тебе не с ким спать!»
Они низко ведь всем да поклонилисе —
Как пошел тут Добрынюшка со двора здолой
Со своей ле супругой да первоображную
Ко своей ле ко мамушки родимой:
У их были тут ведь радости великие.

(Зап. А. Д. Григорьевым 4 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Мартюшиной Парасковьи Ивановны (урожд. д. Кельц(ч)ём Гора), 58 лет, по свидетельству исп., 64 лет)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.